

НАШ ЛЕОНОВ

СОВРЕМЕННОСТИ писателя находится в невыгодной позиции наблюдателя, установившего свой НП возле самой огневой позиции, — видит только начало траектории.

В какой точке на координатной оси времени растрастит свою живую силу книга, перестанет волновать сердца, превратится в архивный документ, уляжется на дальних полках книгохранилищ, куда посылают библиотекаршей только самые дотошные историки литературы?.. А, быть может, произойдет другое — столь велика была энергия заряда, так верно была взята линия прицела, что траектория не перейдет в ниспадающую кривую, — книга станет спутником человечества?..

Точные, подтвержденные подробными опытными данными ответы на эти вопросы могут дать лишь далекие потомки. На них-то, видимо, и уповаet литературная критика, ведущая себя, коль скоро речь заходит о современном писателе, как некрасовская Катя, «бережно торгуется, все боится передать», хотя траекторию некоторых книг не так уж трудно продолжить в будущее — интерполировать, как говорят математики.

Читая книги Леонида Леонова, знакомясь с его пьесами, мы, современники, верим, убеждены — им открыт долгий путь. Так огромна истинная внутридерная энергия заключенных в них мыслей, чувств, образов, так совершенна конструкция его книг, разработанная с применением высших достижений литературной техники, — их форма отлично приспособлена для полета сквозь ветер времени.

Неплохую проверку временем прошли уже сейчас его книги. Продолжают жить первые вещи писателя, написанные почти сорок лет назад. Те самые повести, которые юноша Леонов, работавший тогда за обед в слесарной мастерской, писал по ночам, сидя на койке. Положенный на колени лист фанерки был его первым письменным столом. Это неплохо бы знать иным молодым литераторам, начинающим свой творческий путь скитаниями по домам творчества Литфонда.

Леонов сразу предстал перед читателями мастером — никто не видел, как литератор Леонов учился ходить. Уже своими первыми работами молодой писатель обратил на себя внимание А. М. Горького. Горький говорил: «Он, Леонов, очень талантлив, талантлив на всю жизнь и — для больших дел». Великий писатель был истинно влюблен в творчество Леонова. Мне посчастливилось быть на беседе с Горьким. И я помню, какой теплотой наполнился его голос, когда он заговорил о Леонове. Рассказывая нам, молодым рабочим, литкружковцам, о том, у кого учиться писать, он назвал рядом с Толстым и Чеховым Леонова, сказал, что это крупнейший мастер сюжетного построения.

Работник политотдела прославленной 6-й армии, бравшей Перекоп, после окончания войны сдав старшине оружие и споров с шинели петлички, Леонид Леонов перестал быть военнослужащим, но остался солдатом революции. С пером в руках он перешел на другой участок революционного фронта. «Наши силы — от революции», — писал молодой Леонов.

Все творчество Леонова — это история рождения, детства, отрочества, юности и зрелости нового человека, советского человека, история борьбы за создание нового справедливого человеческого мира.

Книги Леонова всегда были ровесниками своего времени. Каждая из них старше событий, в ней описанных, ровно на то время, которое было затрачено на ее написание. Еще отряды ЧОН заканчивали ликвидацию последних «зеленых», барсуками засеянных в лесах, когда Леонов писал свой первый роман «Барсуки». Знаменитая леоновская «Соть» вышла, когда клалась еще самые первые камни строек первой пятилетки. Гитлеровцы стояли под Сталинградом, когда в театрах

К 60-летию писателя

уже начали готовить постановку «Нашествия» Леонова. Таким Леонов был всегда. Все периоды жизни Советского государства на пути его к коммунизму стали вехами литературной биографии Леонова, он всегда — на передовой линии борьбы своего народа.

Какими дикими должны представляться Леониду Леонову глубокомысленные расчеты сторонников нелепой теории «пафоса дистанции», всерьез вычислявших размер необходимо. го, по их мнению, отдаления писателя от событий.

Леонову пафос дистанции не нужен. Какая там дистанция, когда он, чтобы быстрее помочь партии, стране, откладывает в сторону рукопись романа и берется за перо публициста. «Пафос дистанции» не нужен был ни Гоголю, ни Достоевскому, ни Бальзаку, ни Чехову. Они писали о своем времени, и именно это помогло их книгам обрести бессмертие. Нельзя глубоко любить и ненавидеть понаслышке, по документам, по далеким воспоминаниям. Только современность рождает такую энергию мыслей и чувств, которая помогает книге преодолеть время.

Биограф нового советского времени Леонов привнес в литературу не только новое содержание, но и новое видение человека, его духовного мира, создал новые методы анализа, новую систему образов, свое, неповторимое леоновское построение сюжета и фразы, свой могучий многоцветный язык. Горький говорил о нем: «анафемски хорош — язык, такой «кондово» русский, яркий, басовитый».

Леонов был в числе тех советских писателей, которые открыли для литературы новые глубины человеческой души. Писатели тысячелетиями описывали человека вне его труда, его профессии. Профессия присутствовала упоминанием, внешними своими приметами, словечками, взятыми из профессионального жаргона. В этом была закономерность. В обществе, где правила тунеядцы, труд не мог выйти на первый план в искусстве. Работа не была предметом художественного анализа. Даже воспевая трудовых людей, писатели не задумывались над тем, как профессия формирует самого человека, его характер, его видение мира, его образ мышления. Леонид Леонов широко ввел такой анализ, и это явилось существенным вкладом в человековедение, в литературу.

Читая книги Леонова, дивясь, как глубоко входит он во все тонкости профессии своих героев. Недаром, прочитав «Взятие Великошумска», военные вполне серьезно говорили автору, что его можно аттестовать офицером танковых войск. Специалисты-лесоводы считают «Русский лес» Леонова достаточным материалом для защиты докторской диссертации. Лесоводы — частые гости в доме Леонова. «Из всех концов страны приезжают они за помощью и советом к нему — депутату, горячему защитнику «зеленого друга».

Тонкость леоновского психологического анализа — это какая-то электронная микроскопия, писательское дифференциальное исчисление — анализ бесконечно малых величин, проникновение в мир элементарных частиц сердца. Кто-то подсчитал, что натренированный глаз художни-

ка различает тысячи оттенков цвета. Но кто возьмется подсчитать, сколько оттенков душевных движений видит Леонов. Многоцветен мир леоновских романов и пьес. В этом мире, сложном, как сложно человеческое сердце, — все правда, правда жизни, озаренная светом большой поэзии.

Писатель всегда говорит о главном — о том, как людям жить

Леонид Леонов
Фото Е. ОРЛОВА.

среди людей, о цели жизни и ее смысле, о счастье, о любви, о смерти, о славе, о бессмертье.

Тысячи раз смертью смерть поправ, будет гибнуть в развороченном танке русский юноша Соболев, и тысячи раз будут его оплакивать люди, даже те, которые только из книг смогут узнать, что означает слово война, и тысячи раз перехватит им горло гордость за высокое человеческое сердце. И снова и снова с отвращением и гневом будут вздрагивать люди, читая, как вспорол своей тростью горлышко родничка Грацианский.

Леонов умеет любить. Леонов умеет и ненавидеть. Как ненавидит он — яростно, физиологически, всем своим существом — мир, который видел в детстве, мир, где царила загребущая жменя, мир, где все старались перевести в денежное исчисление, где можно было купить имяние и знатное прошлое, железную дорогу и министра, почести и жену.

Леонов знает, как опасен вирус собственничества, приобретательства, себялюбия — корень всех зол, он знает, какие опасные осложнения вызывает этот вирус, — порождает и ложь, и карьеризм, и тщеславие, и души, в устройстве которых есть шарниры, — нажми сильнее, и они согнутся не ломаясь, и даже предательство.

Вирусы, занесенные из старого мира, — их теперь приходится обнаруживать со сверхмикроскопами. Но от Леонова им не скрыться ни за дипломом академика, ни за благородными речами, ни за превосходной трудовой книжкой. Беспощадно показывает Леонов убожество идеалов себялюбцев, сдирает мишуурный блеск с золотой кареты обывательского счастья. Книги Леонова, помогающие промывать и очищать души, — различные пособия по воспитанию высоких чувств, чувств людей коммунистического завтра.

Старослужащий солдат революции, Леонид Леонов верно служит своему народу.

В. БОЛХОВИТИНОВ.

«СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА»

30 мая 1959 г.

3 стр.